

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-437-441

Дата принятия рукописи в печать: 23.07.2026 г.

ФИЛИМОНОВА Маргарита Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
e-mail: margarita188@yandex.ru

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ КАК НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ЕДИНООБРАЗИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВОВЫХ НОРМ ПРИ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА)

Аннотация. В статье анализируются вопросы правовой природы толкования процессуальных предписаний на примере одного из оснований отказа в возбуждении исполнительного производства. С позиции правил герменевтики процессуальных норм исследуются понятия «единообразие применения», «исполнительный документ», «принудительное исполнение», а также терминологическая конструкция «в соответствии с законодательством». Автор анализирует термины и их содержание в контексте нормы об отказе в возбуждении исполнительного производства в связи с тем, что исполнительный документ не подлежит исполнению Федеральной службой судебных приставов. С точки зрения правовой природы исследуемых понятий делается вывод о том, что отсутствие единообразия применения правовых норм влечет за собой нарушение прав участников правоотношений в исполнительном производстве.

Критически исследуется судебная практика по рассмотрению административных исковых заявлений о признании незаконными постановлений судебного пристава-исполнителя об отказе в возбуждении исполнительного производства через призму подмены понятий, неправильного толкования в результате которых искажается правовая природа основания для отказа в возбуждении исполнительного производства, регламентированное п. 8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Предложены пути достижения единообразия в применении анализируемых правовых норм.

Ключевые слова: исполнительное производство, единообразие применения правовых норм, исполнительный документ, герменевтика, отказ в возбуждении исполнительного производства, принудительное исполнение.

FILIMONOVA Margarita Vladimirovna,
candidate of legal Sciences, assistant professor Saratov State
Academy of Law Assistant Professor of Civil Procedure

HERMENEUTIC CONFLICTS OF LEGISLATIVE PRESCRIPTIONS AS A VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF UNIFORMITY OF THEIR APPLICATION (ON THE EXAMPLE OF DISPUTE RESOLUTION ON THE APPLICATION OF LEGAL NORMS IN CASE OF REFUSAL TO INITIATE ENFORCEMENT PROCEEDINGS)

Annotation. The article analyzes the issues of the legal nature of the interpretation of procedural regulations using the example of one of the grounds for refusing to initiate enforcement proceedings. From the perspective of the rules of hermeneutics of procedural norms, the concepts of "uniformity of legal application", "executive document", "enforcement", as well as the terminological construction "in accordance with the law" are studied. The author analyzes the terms and their content in the context of the rule on refusal to initiate enforcement proceedings due to the fact

that the enforcement document is not subject to execution by the Federal Bailiff Service. From the point of view of the legal nature of the concepts studied, it is concluded that the lack of uniformity in the application of legal norms entails a violation of the rights of participants in legal relations in enforcement proceedings.

The judicial practice on the consideration of administrative claims for the recognition of unlawful decisions of a bailiff on refusal to initiate enforcement proceedings is critically examined through the prism of substitution of concepts, misinterpretation, which distorts the legal nature of the grounds for refusal to initiate enforcement proceedings, regulated by paragraph 8, Part 1, art. 31 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings".

The ways of achieving uniformity in the application of the analyzed legal norms are proposed.

Key words: *enforcement proceedings, uniformity of application of legal norms, executive document, hermeneutics, refusal to initiate enforcement proceedings, compulsory execution.*

Основополагающий принцип единообразия применения правовых норм при разрешении споров, иных правовых коллизий обязывает, прежде всего суды [1], а также органы исполнительной власти «... последовательно и одинаково толковать и применять правовые нормы при рассмотрении дел со схожими фактическими обстоятельствами» [2]. Хотелось бы отметить, что, прежде всего, интерпретационная деятельность, по своей сути, должна быть направлена на уяснение смысла, заключенного в правовой норме, прежде ее применения в конкретной фактической правовой ситуации.

В этой связи, считаем, что единообразие достигается, прежде всего, в том случае, когда само содержание нормы изложено без возможностей ее двоякого толкования, как в общем контексте содержания, так и в правильности используемых в ней терминов.

Однако, не редки случаи отсутствия единообразия толкования правовых предписаний, и, как следствие, возникновение случаев неправильного применения закона, что неотвратимо влечет за собой нарушение прав участника (участников) правоотношений в той или иной ситуации.

Целью данной работы, не является исследование причин возникновения герменевтических коллизий, причин нарушения правил единообразия толкования закона, а только на конкретном примере выявление, и анализ необходимости стремления к единому раскрытию и пониманию смысла правовой нормы, от правильности применения которой зависит восстановление нарушенного права субъекта, в том числе и само право на его защиту.

В этой связи небезынтересно нормативное закрепление и практика применения одного из оснований для отказа в возбуждении исполнительного производства, закрепленного в ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – закон об исполнительном производстве).

Пунктом 8 ч. 1 указанной статьи, по нашему мнению, однозначно, с точки зрения буквального

толкования, закреплена обязанность судебного пристава-исполнителя отказать в возбуждении исполнительного производства, если взыскателем предъявлен исполнительный документ, который «... в соответствии с законодательством Российской Федерации не подлежит исполнению Федеральной службой судебных приставов» [4].

В процессе уяснения и дальнейшей интерпретации смысла анализируемой нормы ст. 31 закона, ключевыми понятиями, раскрывающими ее содержание, считаем терминологические формулировки «исполнительный документ», «в соответствии с законодательством». Иллюстрацией единообразия толкования указанной правовой конструкции служит ситуация, когда должник по исполнительному документу является получателем средств из бюджета. В соответствии с законодательством РФ такие требования не исполняются посредством ФССП России в лице ее территориальных органов, поскольку порядок исполнения таких судебных актов детально регламентирован главой 24.1 Бюджетного кодекса РФ [5], наделяющей обязанностью восстановления прав взыскателя по такого рода исполнительным документам соответствующие финансовые органы (например, Минфин, Казначейства, региональные финансовые органы).

Вопросы исполнения требований исполнительного документа в отношении должника, проходящего процедуру банкротства, не столь однозначно решаются, хотя в процессе интерпретации нормы п. 8 ч. 1 ст. 31 закона об исполнительном производстве остаются «в плоскости» обозначенных нами правовых понятий «исполнительный документ», «в соответствии с законодательством». Вопросы прекращения, приостановления исполнительного производства, возбужденного в отношении «должника-банкрота», четко сформулированы законом, в отличие от ситуации возбуждения/отказа в возбуждении исполнительного производства, если исполнительный документ предъявлен после возникновения процедуры банкротства должника в судебном порядке.

Судебные постановления при оценке законности постановления судебного пристава-исполнителя об отказе в возбуждении исполнительного производства не столь единообразны. В качестве примера официального судебного толкования достаточно указать на п. 12 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 59 (ред. от 06.06.2014) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» в случае возбуждения дела о банкротстве». Согласно судебному толкованию норм взаимообусловленных законов, в случае поступления исполнительного документа в службу судебных приставов после принятия судом решения о признании должника банкротом, судебный пристав-исполнитель должен вынести постановление «... об отказе в возбуждении исполнительного производства на основании абзаца шестого пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве применительно к пункту 8 части 1 статьи 31 Закона об исполнительном производстве».

В этой связи до настоящего времени остается нерешенным вопрос – правомерен ли отказ в возбуждении исполнительного производства по анализируемому нами основанию? Для правильного применения п. 8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве» считаем необходимым определиться – исполнительный документ безусловно не подлежит исполнению ФССП РФ в силу прямого указания закона, как этого требует указанная норма, или он не может исполняться (временно не может) по причине нахождения должника в процедуре банкротства. Вопрос не праздный, поскольку от этого зависит законность (или отсутствие таковой) отказа в возбуждении исполнительного производства.

Считаем, что в силу исчерпывающего перечня оснований для отказа в возбуждении исполнительного производства, исполнительный документ, должен быть принят к исполнению с дальнейшим приостановлением исполнительного производства в связи с введенной в отношении должника процедурой банкротства. В противном случае, применяя п. 8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве», существует риск лишить взыскателя права на принудительное исполнение требований исполнительного документа, поскольку основание для отказа по анализируемой норме закона об исполнительном производстве не предусматривает повторного предъявления исполнительного документа на исполнение. Также обращаем внимание, что буквальное толкование понятия «в соответствии с законодательством» в контексте анализируемой правовой нормы предполагает прямое указание императивных конструкций о том, что исполнительный документ не подлежит

исполнению Службой судебных приставов – безусловно, изначально и всегда.

Не смотря на некоторую критику возникших противоречий в интерпретации и, как следствие, применении нормы, причины, вызвавшие некоторые разногласия «лежат на поверхности» – отсутствие взаимообусловленности двух «базовых» для этой ситуации нормативных актов – ФЗ «Об исполнительном производстве» и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6]. Приведение их в соответствие друг с другом, по нашему мнению, преодолеют возникающие противоречия в этой связи.

Требуют иного решения вопросы правоприменения нормы п.8. ч.1 ст. 31 закона об исполнительном производстве в том случае, когда и судебные приставы-исполнители, и суды интерпретируют норму без учета терминологических конструкций – «исполнительный документ», «в соответствии с законодательством», составляющих каркас указанной нормы. В такой герменевтической модели происходит разрыв между смыслом нормы по идее законодателя и ее интерпретацией правоприменителем, что никак не способствует не только единообразию применения законодательных норм, но и создает угрозу нарушения законности, как базового общеправового принципа.

Так, в одном из судебных актов, вынесенным по результатам рассмотрения административного искового заявления о признании постановления об отказе в возбуждении исполнительного производства незаконным суд отказал в удовлетворении требований административному истцу (взыскателю), соглашаясь с позицией судебного пристава-исполнителя о том, что данный исполнительный лист не подлежит исполнению ФССП РФ, поскольку требования о прекращении общей долевой собственности на недвижимое имущество, разделение земельного участка с последующей регистрацией прав сторон на новые объекты должны исполняться органами Росреестра (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 43-КГ18-9) [7].

Анализ указанного судебного акта по конкретному делу приводит нас к следующему выводу: при разрешении спора суды акцентировали свое внимание на поиске ответа на вопрос – существует ли возможность принудительного исполнения требований исполнительного документа. Посчитав невозможным обязать должника оформить раздел имущества и зарегистрировать свое право на вновь созданные объекты, суды, двух проверочных инстанций (первая инстанция административное исковое заявление удовлетворила) указали взыскателю, что такого рода требования подлежат исполнению в Федеральной службе го-

сударственной регистрации, кадастра и картографии. По нашему мнению, такое толкование законодательных императивных предписаний довольно свободно и отличается от буквального содержания анализируемой правовой нормы: во-первых, п. 8. ч. 1 ст. 31 закона об исполнительном производстве не позволяет в процессе применения анализировать исполнительность требований исполнительного документа, тем более, имея в виду терминологическую конструкцию «в соответствии с законодательством», так как в законе не содержится указания на то, какой исполнительный лист подлежит принудительному исполнению, а какой – нет.

Во-вторых, необходимо помнить, что обращение с исполнительным документов Росреестр, согласно ст. 7 ФЗ «Об исполнительном производстве» является правом, а не обязанностью взыскателя.

Исходя из изложенного, отмечаем, что такое «расширительное толкование» может привести к тому, что применение анализируемой нормы может быть поставлено в зависимость от видения судебным приставом-исполнителем ситуации необходимости исполнения или отсутствия таковой, что не может быть признано допустимым в данном случае. Норма п. 8. ч. 2 ст. 31 закона об исполнительном производстве не допускает квалификации правовой ситуации по внутреннему убеждению. Справедливо утверждение о том, что «... императивные нормы имеют четкие ориентиры поведения, прямое воздействие на субъектов, их применение не зависит от адресата [3, с. 395].

В этой связи показательное решение Давлекановского районного суда РБ (Решение № 2А-1193/2019 2А-1193/2019~М-978/2019 М-978/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 2А-1193/2019) [8]. В этом случае судебный пристав-исполнитель отказал в возбуждении исполнительного производства, тоже признав отсутствие возможности принудительного исполнения, а именно: «... резолютивная часть судебного акта не содержит требования о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств иного имущества либо совершению в пользу взыскателя определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий». При этом судебный пристав-исполнитель, отказывая в возбуждении исполнительного производства, применил п. 4. ч. 1 ст. 31 закона об исполнительном производстве, в части о том, что исполнительный документ не соответствует требованиям, к нему предъявляемым.

Можно «поспорить» с правомерностью применения и этого основания для отказа в возбуждении исполнительного производства, но в таком

случае у взыскателя хотя бы сохраняется возможность повторного предъявления исполнительного документа в Службу судебных приставов в отличие от основания п.8 ч. 1 ст. 31 ФЗ «Об исполнительном производстве».

Подводя итог по анализируемому вопросу отмечаем, что отсутствие единообразия применения правовых предписаний, к сожалению, не редкое явление, которое необходимо преодолевать на постоянной основе, имея стремление к достижению эффективной модели интерпретации и, как следствие, правильности применения законодательства при квалификации правовых ситуаций, в том числе спорных вопросов, связанных с восстановлением нарушенных прав участников правоотношений в общем и, в частности, в рамках исполнительных процессуальных правоотношений, возникающих между взыскателем и судебным приставом – исполнителем непосредственно.

Выходом из сложившейся ситуации, в первую очередь, нам видится в необходимости издания акта официального судебного толкования – Постановления Пленум Верховного Суда РФ (или дополнение уже существующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 года № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»), в котором, по нашему мнению, необходимо подробно и четко изложить ситуации, предусмотренные законодательством РФ, при возникновении которых исполнительные документы не исполняются Службой судебных приставов.

Список литературы:

- [1] Дьяков Д. К. Понятие единства и единообразия в судебной практике // Актуальные исследования. 2026. № 20 (306). Ч. III. С. 9-12.
- [2] Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева. М., Юрайт 2013. С. 31.
- [3] Демиева А.Г. Соотношение императивного и диспозитивного начала в правовом регулировании отношений с участием предпринимателей // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 0158. 2016. С. 395.
- [4] ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. С. 4849.
- [5] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обраще-

нию взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» // Справочная правовая система Гарант.

[6] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[7] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 43-КГ18-9 // Справочная правовая система Гарант.

[8] Решение № 2А-1193/2019 2А-1193/2019~М-978/2019 М-978/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 2А-1193/2019 // Справочная правовая система Гарант.

References:

[1] Dyakov D.K. The concept of unity and uniformity in judicial practice // Actual research. 2026. № 20 (306). CH. III. S. 9-12.

[2] Civil procedural law of Russia: a textbook for universities/ed. S.F. Afanasyev. M., Yurayt 2013. S. 31.

[3] Demieva A.G. The ratio of imperative and dispositive principles in the legal regulation of relations with the participation of entrepreneurs // Scientific notes of Kazan University. Series:

Humanities. T. 0158. 2016. S. 395.

[4] Federal Law "On Enforcement Proceedings" dated 02.10.2007 No. 229-FZ // NW of the Russian Federation. 2007. № 41. S. 4849.

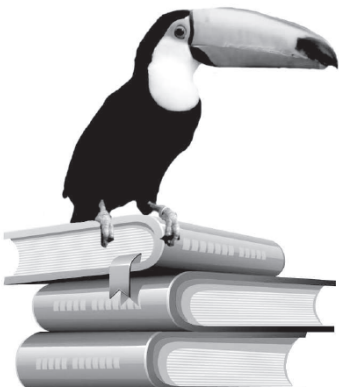
[5] Budget Code of the Russian Federation dated 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended on 26.06.2026) // NW RF. 1998. № 31. Art. 3823; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 28, 2019 No. 13 "On some issues of application by the courts of the norms of the Budget Code of the Russian Federation related to the execution of judicial acts on foreclosure on the funds of the budgets of the budget system of the Russian Federation" // Reference legal system Guarantor.

[6] Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ (latest edition) // RF NW. 2002. № 43. Art. 4190.

[7] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 5, 2019 No. 43-KG18-9 // Reference legal system Guarantor.

[8] Decision No. 2А-1193/2019 2А-1193/2019 ~ М-978/2019 М-978/2019 dated November 20, 2019 in case No. 2А-1193/2019 // Reference legal system Guarantor.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru